

ПРОЛОГ

Небо над лесом — треснувшая миска. Мерещится: пока смотришь — все длиннее становятся трещины, все шире и глубже. Смотришь — и с той стороны глядит на тебя нечто древнее и чуждое. И пока не отводишь глаз — ты зовешь его своим взглядом. Глупость, конечно. Если б можно было залатать небо, просто не глядя на трещины, он уже выколол бы себе глаза.

Он отводит взгляд, смотрит под ноги: туман мягко обнимает щиколотки, белесой дорожкой выстилает тропу к заветной поляне. На редких кустарниках жимолости голубеют ранние ягоды, и он срывает пару, долго мнет в пальцах, прежде чем съесть. Рот сразу наполняется горько-кислой слюной.

Еще одно маленькое напоминание, что он жив. Что может есть ягоды с куста, пить воду из ручья. Может сойти с тропы и не бояться смерти.

Но сейчас нужно спешить — он и так опаздывает. Каждый шаг дается тяжело, каждый шаг — боль, тело сопротивляется, не слушается, хочет снова лежать под толщей одеял, а не брести сквозь лес. Сколько времени прошло — месяц, год, десяток лет?

Он и сам не помнит, когда вернулся, как долго учился заново дышать, говорить, ходить. Мир живых его принял, только остался он в нем живым мертвецом, духом в закостенелой тюрьме тела.

На поляне его уже ждут. Приземистые фигуры в старой истрепанной одежде из кожи и шкур. Вышивка, деревянные и каменные бусины, фигурки зверей у пояса. И черепа. Вороны, лоси, лисы, медведи, рыси, горностаи, олени.

Он щурится, пытаясь за костяными масками разглядеть лица, узнать глаза. Уж не этот ли медведь когда-то учил его в детстве внимать духам? Не лось ли с горечью смотрел ему вслед, когда он уезжал в город за призраком жизни новой, прогрессивной?

Нет, это не могут быть они. Он уже сам стар, а те были стариками в дни его глупой юности.

Кто же тогда его встретил?

Он выходит в центр поляны, садится, с трудом подогнув непослушные, словно деревянные ноги. Он один с открытым лицом, и от этого неуютно.

— Назови себя.

— У меня нет имени.

Признание дается легко, словно он говорит о чем-то само собой разумеющемся. Имя человеческое он давно забыл, как и ту жизнь, больше похожую на яркий полуденный сон. А имя зверя, которое вместе со шкурой носил в Нижнем мире, не заслужил. Никто его не испытывал, не нарекал, не встречал

6 после возвращения.

Ибо духи им недовольны.

И теперь остальным шаманам его судить.

Одни роняют обвинения, другие вступаются за него, и призрачные фигуры зверей встают за человеческими силуэтами. «Он указал путь скверне». — «Но пришла она не с ним». — «Он не дал ей очиститься». — «Он и не знал об очищении». Он жадно

вслушивается в слова, вглядывается в жесты. Его не заботит собственная судьба — сколько ее там осталось? Ему важно знать — в чем его вина: в глупости? непредусмотрительности? трусости?

Вперед выходит рысь, согбенный, усталый, как степная трава иссохший. Говорит:

— То, что свершилось, обратно не вернуть, — а горло неподвижно, и маска не шевелится, как и лицо за ней. — Но исправить можно. И предотвратить беду куда более страшную можно. Любой из нас смог бы, но нести эту ношу тебе — завершать дела, исправлять ошибки.

Понимает он — судят его не шаманы, живые и мертвые, не люди. Сами духи пришли вынести приговор, потребовать уплаты за расколотое небо. Но что они могут потребовать, если покорность уже получили?

Он поднимает глаза, пристально смотрит на мерцающий образ зверя за спиной человека. Спрашивает:

— Какая ноша?

Старик качает головой — дергано, как тряпичная кукла на руке кукольника.

— Глупый юнец в теле старика. Разве для того ты вернулся, чтоб очевидное не замечать? В Нижнем мире был зряч, а ныне ослеп?

Во рту пересыхает от страшной догадки, кислый вкус ягод подкатывает к горлу. Всем духам, всем предкам молится — пусть я ошибся, я же глупый юнец, я не мог истолковать волю духов верно!

Но даже если не ошибся — пусть духи говорят, пусть сами свою волю ему ярмом на шею надевают.

— Был зряч, да от ошибки это не убергло. Какая ноша?

Рысь долго смотрит на него, глаза духа мерцают темными звездами. Кажется, дух понимает, все по-

нимает, и душа его, глупого юнца, — не раскрытая книга даже, а пустая страница с одним-единственным словом на ней, написанным огромными неровными буквами.

— Останови мертвую скверну. Убей ту, кто маяком ей светит, пока не стало слишком поздно. Убей ту, которую зовешь сестрицей.

Сердце пропускает удар, и он смиренно опускает голову.

* * *

Голод просыпается вместе с Анной. Свет, даже предрасветно-серый, режет глаза, и она долго всматривается в потолок, пытаясь прогнать густую темноту, застилающую взгляд. Кажется, сон не кончается вовсе — стоит отвлечься, перестать узнавать все трещинки штукатурки на потолке, и ее снова затянет на самое дно кошмара.

Когда она умывается, вода в ладонях черная. Зажмуриться, проглотить крик, снова плеснуть в лицо водой — просто показалось. Она постоянно твердит себе, что все просто показалось.

Самоубеждение уже не помогает.

Из-под двери кухни тянется полоса света, и Анна медленно нажимает на ручку, словно боится спугнуть кого-то. Едва слышно щелкает замок.

8 Марья вскидывает на сестру глаза, красные после бессонной ночи. Вокруг нее разложены учебники, между ними скромно затерялся том в мягкой кричащей обложке и кружка, из которой торчит несколько хвостиков чайных пакетиков.

— Ты сегодня рано.

— Кошмар приснился.

Анна щелкает чайником и начинает переплетать косу. Волосы слегка влажные, словно она под

дождь попала. На пальцах остаются мелкие капельки темной воды. Голод сжимает нутро, и Анна знает: обычной едой его не утолить, сколько ни ешь.

— Кофе?

— Пожалуй, да.

Намеренно банальные и бессмысленные диалоги — танцевальные па по минному полю. Никогда ни о чем серьезном, никогда о том, что гнетет и волнует. Анне снится вода, океан, кроме которого нет ничего, и сама она океан. Марья даже в душные июньские ночи кутается в разношенный свитер и натягивает рукава на ладони. Но говорить они будут о кофе. Или не будут вовсе. Иногда молчание спасает лучше самого откровенного разговора.

В спокойной, почти уютной тишине сестры убирают стол. Учебники переселяются на подоконник, к тетрадам и методичкам. Марья заваривает кофе и тут же обхватывает кружку ладонями, жадно впитывая тепло. Себе Анна наливает больше молока, чем воды, пьет и не чувствует вкуса.

Утреннюю тишину хочется растягивать бесконечно, превратить момент покоя в вечность. Слишком скоро придется окунуться в белое жаркое марево летнего города, ходить среди людей, улыбаться им и не выдать, не выдать, что внутри кипят раздражение и ненависть, что в уши вползает змеиный шепот, подстегивая голод: «Ты же хочешь их изуевить», «ты же можешь их убить».

Спасибо, лучше снова кошмар про темные воды. Будь ее воля, Анна вовсе бы не просыпалась.

Кофе заканчивается — даже слишком быстро, и у стола Анна сталкивается с Марьей. Даже не сталкивается — задевает ее локтем, но в нос ударяет запах плоти и пота, горло пережимает от голода и ненормальной, нелогичной ярости — слепой и слепящей. На мгновение Анна видит все в крови, в темных по-

теках и пятнах, собственные пальцы — нестерпимо-красные.

Она отшатывается к окну, замуривается, дышит медленно. Ярость знакома: почти каждый день та сжимает нутро, стоит кому-то рассердить Анну, и она научилась обуздывать ее и держать на поводке и в наморднике. Но еще никогда голод и ярость не обрушивались на Марью.

В ушах тысячами чешуек шелестит голос змеи, утешая, уговаривая, но Анна уже не вслушивается. Ее бросает в холодный пот от ясного осознания — она могла напасть на сестру.

Нет, пожалуйста, только не она, только не снова...

Она открывает глаза и сталкивается с удивленным взглядом Марьи. Губы слушаются плохо, но Анна старается улыбнуться:

— Ты так усердно готовишься к выпускным экзаменам. Может, тебе стоит подавать документы в другой город?

Марья смотрит подозрительно и удивленно.

— Но я не хочу.

Анна медленно, тяжело сглатывает. Она знает, что нужно сделать — оттолкнуть, отшвырнуть, обидеть и причинить боль. Спасти Марью от себя любой ценой. Крикнуть «убирайся!», швырнуть в лицо «я от тебя устала», но голос не слушается, слова выходят слабые, беззубые, бесполезные:

10 — Тебе давно пора стать самостоятельной. Ты же способная, но у нас негде твоим талантам раскрыться. Тебе надо уехать.

Марья вздрагивает, как от пощечины, щурится нехорошо, но в последний момент осекается и отводит глаза:

— Я тебя поняла, сестрица. Я не хочу тебя разочаровать.

Подхватывает учебники и исчезает в сумраке пустой квартиры.

Вместо утреннего сонного спокойствия — одни осколки, острые обломки реальности, застывшие в «здесь и сейчас». Неосторожный шаг — и рухнешь на пол, истекая кровью. Анна медленно выдыхает, тихонько скулит сквозь зубы. Прислоняется лбом к стеклу, но оно слишком теплое, чтоб принести облегчение.

Она все-таки превращается в монстра, в бездумную хищную тварь из мертвого леса, которой и место в мертвом лесу. Глупо было надеяться, что все обойдется. Почти четыре года — и так неплохая отсрочка.

Пальцы терзают кончик косы, переброшенный на грудь, и с него по коже струится темная вода. Это похоже на кошмар, и Анна хочет, чтоб и было всего лишь кошмаром. Там, среди бесконечного океана, нет ничего кроме нее, ничего кроме тоски — ни голода, ни ярости, ни вкрадчивого шелестящего шепота. Там безопасно. Там она — безопасна. Запри себя в клетку и проглоти ключ.

Еще несколько недель экзаменов. Месяц — до поступления. Почти все лето — до отъезда Марьи. И невозможно все это время спать и прятаться в кошмаре. Анна трет глаза, вспоминая ту, с кем делит сон о бескрайних темных водах. Шепчет отчаянно:

— Что угодно, но пусть Марья будет цела. Пусть она будет в безопасности.

На мгновение в стекле вместо глаз Анны отражаются другие — пустые, неподвижные, змеиные.

Но это, конечно, ей только кажется.

1 ОКНО БЕЗ СВЕЧИ

Неожиданное возвращение редко становится хорошим сюрпризом. Но плохой сюрприз все же лучше, чем вообще никакого, ведь так?

Марья поправила капюшон и запрокинула голову, выискивая окна квартиры. Она сощурилась, высчитывая яркие желтые квадратики, такие уютные среди густых зимних сумерек. Перепроверила себя дважды.

Окна не светились. Ни одно в их квартире.

12 Марья раздраженно выдохнула облачко пара. Аня куда-то уехала или уже спит? Наверно, все-таки стоило ей написать, но какой бы тогда был сюрприз? В глубине души Марья понимала, что Аня и тогда бы не обрадовалась, но запрещала себе об этом думать. Внезапное возвращение в родной город посреди семестра иначе как бегством из университета не назовешь.

А этому Аня точно не обрадуется.

Марья зябко передернула плечами, схватила чемоданчик, трусливой собакой жмующийся у ног. Колесики скрипели и подпрыгивали на неровном, потрескавшемся асфальте. Марья шла медленно, хоть

и продрогла до костей — не столько обходила кочки и трещины, сколько трусила. У домофона она замерла, нашарила ключи во внутреннем кармане, но не спешила их вытаскивать.

Резкий порыв ветра сорвал капюшон и спутал волосы. Марья раздраженно тряхнула головой, злясь на саму себя:

— Ой, можно подумать, у меня другие варианты есть! К черту!

Домофон приветливо пиликнул, и Марья поспешила просочиться в подъезд. Тяжелая дверь хлопнула за спиной, едва не ударив по чемодану. В тусклом свете ламп тени под лестницей казались особенно зловещими. Марья поежилась и быстро взбежала по ступенькам к лифту, лишь бы не всматриваться в сумрачных химер.

В бегстве от мороков и видений она уже стала профессионалом.

Впрочем, как и в бегстве от себя.

В затылок дохнуло холодом — не промозглым ветром сырого февраля, а колким морозом бескрайних ледяных гор, знакомым до стойкого отвращения. По шее словно иголки изморози пробежали, а на плечи легли тяжелые ладони: не бойся, не беги, усни в моих объятиях — тебе же так хорошо в них спалось!

С остервенением Марья несколько раз ударила по кнопке лифта. Холод был ей отвратителен, и если б можно было бежать достаточно быстро, чтоб оторваться от него, она б давно так и сделала.

Но он же и был ее единственным спасением.

Когда уже Марья решила, что бегом по лестнице будет быстрее, неторопливо разъехались створки лифта. На мгновение ей стало до того жутко, что она отшатнулась от его ярко освещенного нутра, как от ловушки: только шагни внутрь, и уже

никуда сбежать не сможешь, пока он сам тебя не выпустит.

Отшвырнув прочь глупые мысли, Марья шагнула внутрь и нажала на кнопку этажа.

— Если я пожалуюсь Ане, она предложит вальс или сразу психиатра? — пробормотала Марья, разглядывая себя в маленьком зеркале, почти полностью залепленном рекламой.

У отражения были круги под глазами и обтрепанная бумажка с красным «SALE» на носу. Несмотря на усталость, Марья начала сколупывать ее с зеркала, чтобы хоть чем-то занять руки и не считать секунды до того, как двери лифта снова откроются.

Лампочка на этаже мигала и потрескивала, словно вот-вот перегорит. Еще полгода назад Марья и внимания не обратила бы, но сейчас хотелось скорее отпереть дверь и спрятаться в квартире — «чур меня, я в домике». Вот только Марья не знала, домик ли ей там теперь.

Нервно прикусив губу, она потянулась к звонку, почти нажала, но в последний момент отдернула пальцы и снова полезла за ключами. Если Аня спит, то пусть узнает о сюрпризе утром, выспавшаяся. Может, даже решит, что сюрприз все же хороший. Ключ провернулся легко и почти беззвучно, Марья даже выдохнула от облегчения. Хихикнула нервно — вот, в родные стены как вор крадется.

14 Дверь за собой она прикрыла так же беззвучно, нервно вздохнула, когда щелкнул замок.

Темная квартира встречала тишиной и духотой, словно здесь давно никого не было. Марья потопталась на придверном коврикe, поставила чемодан в угол, разулась на ощупь.

Шагнула в коридор.

Темно и тихо.

И тепло. Господи, как же тепло!

Бросив вещи в прихожей, Марья заглянула в комнату, подсвечивая себе смартфоном, прищурилась. Аня спала, свернувшись клубочком и едва ли не с головой спрятавшись под одеялом. Захотелось с визгом броситься к ней, растормошить, обнять, делясь радостью долгожданной встречи, но Марья на цыпочках прокралась мимо.

Успеет еще. Да и много ли будет той радости, когда Аня проснется?

Стоило переодеться, залезть под душ, смывая с себя и пот, и усталость, и страх, прогоняя из костей ноющий холод, но Марья только зевнула. Сил уже не было — они покинули ее, стоило только переступить порог. Марья улеглась как была — в свитере и уличных джинсах, еще влажных у щиколоток, поджала заледеневшие ноги и укуталась в колючее покрывало, теплое и тяжелое.

Вот только ноги все равно мерзли, даже в носках.

Марья съежилась и, довольно вздохнув, уснула.

Дома, снова дома.

А значит, все будет хорошо.

* * *

Солнечный луч пробил оборону штор, пробежался по комнате и замер на лице Марьи. Скользнул по векам и дрожащим ресницам, проникая в сон и растворяя его в мягком утреннем свете. Марья выпростала руку из-под покрывала и потерла глаза, медленно, неохотно просыпаясь. Зимнее солнце, яркое и чистое, заглядывало в комнату, и пыль крохотными золотыми мотыльками парила в его луче.

Марья огляделась — кровать сестры уже была заправлена, на столе царил привычный идеальный порядок, только с краю лежала книга с парой ярких

